

Николай Гуськов

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ С. Я. МАРШАКА «МОРОЖЕНОЕ»

В статье сопоставлены семь изданий стихотворения С. Я. Маршака «Мороженое». Три из них (1925 г., 1940 г. и 1957 г.) признаются основными редакциями, изводы 1929 г., 1949 г., 1960 г., и 1962 г. их вариантами. Итоговым текстом для посмертных публикаций необоснованно выступает вариант 1960 г. с отступлениями, взятыми из изданий разных лет. Автор статьи анализирует характер трансформации текста, ее причины (изменения реалий, общественных вкусов и нравов, в частности отношения к мороженому, стилистические и идеологические тенденции эпохи, стремление поэта согласовать свои творческие установки с внешними факторами) и показывает, что правка текста была неизбежной и органичной, но различие редакций так велико (общими для всех изданий являются лишь 30 строк), что возможно их параллельное воспроизведение не только в научных, но и в критических изданиях. Метод редактирования, примененный писателем, является компенсаторным: варьировались сюжет и стиль, игровые художественные приемы, но сохранялся подтекст — философская, этическая проблематика, важная для Маршака, проходящая через все его творчество. Это архетипические идеи радостного приятия объективных законов природы, прославление тех, кто поддерживает мировую гармонию, и осуждение тех, кто ее нарушает. В приложении дана сравнительная текстологическая таблица, демонстрирующая динамику редактирования.

Ключевые слова: С. Я. Маршак, детская литература, творческая история, текстология, русская литература XX в., советская поэзия.

Николай Александрович Гуськов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
kakto@mail.ru

При многочисленных переизданиях своих произведений С. Я. Маршак часто по разным причинам их редактировал, значительно меняя текст, так что читателям нашего времени знакомы стихотворения, не тождественные тем, что пленили детей почти век назад. Творческая история сочинений поэта нуждается в изучении как для понимания авторских замыслов, эволюции стиля и мировоззрения, так и для подготовки научных изданий наследия Маршака (пока таковых не существует). К сожалению, эта перспективная проблематика мало привлекает исследователей. Предлагаемая статья продолжает ряд попыток ее автора рассмотреть творческую историю самых известных произведений Маршака («Детки в клетке», «Вчера и сегодня», «Книжка про книжки») и посвящена сказке «Мороженое».

Расхождения вариантов этого текста в изданиях разных лет так значительны, что на них не могли не обратить внимание критики, которые, впрочем, ограничивались лишь попутными оценочными замечаниями. Даже такой видный ученый как М. Л. Гаспаров, не предпринимая подробного текстологического анализа, не интерпретируя причин и целей правки, приводит позднюю версию «Мороженого» в качестве одного из аргументов, подтверждающих его тезис о деградации детской поэзии Маршака под воздействием идеологического давления и старческого многословия, в результате чего «временными» (злободневными) подробностями заслонены «вечные» топосы, а назидательность вытесняет игровые приемы [Гаспаров 2001, 420–421]. Внимательное сопоставление изданий показывает, что эта концепция, субъективная по своей сути, справедлива лишь отчасти.

Сказка о том, как толстяк объелся мороженым и превратился в ледяную гору, появилась в 1925 г. [Маршак 1925, далее — М-I]. Изменения вносились регулярно: в 1929 г. [Маршак 1929, далее — М-II], в 1940 г. (этот вариант дан в последнем прижизненном отдельном издании: [Маршак 1941, далее — М-III], в 1948 г. [Маршак 1948, 145–148, далее — М-IV], в 1957 г. [Маршак 1957, 135–140, далее — М-V], в 1960 г. [Маршак 1960, 161–166, далее — М-VI], и в 1962 г. [Маршак 1962, 165–170, далее — М-VII]. Неизменными во всех версиях остаются 30 строк, что составляет от 27 % до 47 % от общего объема произведения. Остальные стихи исключались, добавлялись или переделывались. М-III и М-V настолько отличаются от М-I, что могут быть признаны отдельными редакциями, остальные — их вариантами, многочисленные перепечатки без изменений здесь не приводятся. В качестве итогового

текста в посмертных публикациях (например, [Маршак 1968, 140–144]) по неясным причинам выступает М-VI с отступлениями (1–2: М-VII; 6: М-I–IV; 41–46, 80: М-V). Издание 1926 г. (М-I), благодаря интересу к рисункам В. В. Лебедева, переиздавалось отдельной книжкой в 1975 г., 1976 г. и 1977 г., также этот текст публиковался в составе сборников. Несмотря на значительную трансформацию, стихотворение сохранило основу, поэтому для удобного сопоставления изданий в этой работе использована общая для них, единая нумерация строк, которая не отражает их порядка ни в одном из вариантов, но демонстрирует динамику авторской правки. Нумерация строк в каждой отдельной версии только запутает читателя статьи. В приложении (см. Приложение) помещена сводная таблица всех вариантов. При цитировании «Мороженого» даны в скобках ссылки на нее: сначала арабскими цифрами — номер стиха в общей нумерации, затем после двоеточия сокращенно — индекс издания текста, в котором присутствует данный вариант строки.

«Ранние вещи от издания к изданию укорачивались <...> — формулировал М. Л. Гаспаров закономерности творческого пути Маршака, — после стилистического перелома они начинают от издания к изданию удлиняться» [Гаспаров 2001, 420]. Текстологический анализ показывает, что путь творческих исканий писателя не был столь прост и схематичен. Действительно, М-II и особенно М-III–IV (86, 64 и 66 строк соответственно) короче, чем М-I (90 стихов), но сокращение (больше чем на четверть) произошло в период, когда, по мнению ученого, книги Маршака как раз начинают разрастаться. М-V, в самом деле, самый пространная — 110 строк, но М-VI и М-VII уже чуть короче (98 и 96 строк), стремятся к первоначальному объему. Получается, поэт сначала шел по пути сокращения, затем расширил текст и вновь стал сокращать. В разные годы Маршак сосредоточивался на переработке отдельных частей книги. В М-II переписан финал. В М-III радикальным изменениям подверглась средняя, фабульная часть. В М-V расширено вступление. Это, вероятно, связано как с внелитературными факторами, так и с теми творческими задачами, которые особенно занимали писателя на каждом из этапов его пути.

«Мороженое» сразу приобрело огромную популярность и было причислено к программным образцам новой книги для детей, которую пропагандировали ленинградские писатели во главе с самим Маршаком. Их стихи в 1920–30-х гг. обычно вызывали резкие выпады со стороны даже тех официальных критиков, которые усматривали там некоторые достоинства, и «Мороженое»

неизменно выступало одним из главных объектов порицания. Так, А. Гринберг, противопоставляя «будущие» книжки «бывшим», упоминала «талантливое, художественное, фантастическое „отличное, заграничное, клубничное, земляничное“, к несчастью, никчемное мороженое, издательства „Радуга“. А рядом с этим дорогим (рублевым), ярким, мастерским, „радужным“ мороженым пустячком — новое, бережное, скромное литературное начинание руководителем детского дома на основе педагогических материалов „Мы были маленькие — мы немного подросли“» [Гринберг 1925, 244]. Определение неактуальной книжки дано на примере «Мухиной свадьбы» К. И. Чуковского: «Бывшая — оттого, что блеск ее пуст, оттого, что содержание ее — голая забавность. Но в укладе новой детской жизни книга как развлечение больше не нужна, и книга нужна не для развлечения. То же приходится сказать и о другой из лучших книг издательства „Радуга“ — о „Мороженом“ <...>. В этой книге и текст, и иллюстрации сделаны ярко, прочно, просто, точно; в простоте — большой вкус, яркость — изысканность, в прочности — легкость, в точности — необычайность. <...> Но все эти литературно-художественные средства развернуты для того, чтобы рассказать вот что. Мороженое съел толстяк с золотым сердечком на часовой цепочке. На спине у него вырос снежный сугроб, из сугроба выросла гора. <...> На салазках к бывшему толстяку катит малыш с красным флажком, на лыжах бежит бой-скаут в пионерской косынке. Для бывшего читателя и все остальные книги Маршака» [Гринберг 1925, 248–249]. В 1928 г. по инициативе Н. К. Крупской борьба с чуковщиной и маршаковщиной приобрела гораздо более агрессивные формы. Переработка «Мороженого», как и других сочинений Маршака, в этих обстоятельствах явилась закономерной попыткой согласовать свои творческие установки с требованиями критики.

Тексты 1925 г. и 1929 г. (М-I и М-II) отличаются только начиная со строки 134, правда, это финальный, следовательно маркированный фрагмент. Общий смысл эпилога, казавшегося критике легкомысленным, сохранился, но его тон и оценка чуть преобразились.

Во-первых, устранена логическая несообразность: толстяк превращался в гору среди бела дня, а потом сказано, что она выросла «за ночь» (135: М-I). Это указание заменено на «нынче» (135: М-II–VII).

Во-вторых, исчезло устаревшее выражение «два аршина с половиной» (136–137: М-I): горка была в человеческий рост — 177,5 см.

Метрическая система измерений введена в России в 1918 г., и к концу 1920-х гг. уже выросло поколение, для которого старые меры были мало понятны, хотя взрослыми они по привычке еще нередко использовались в быту.

В-третьих, поэт меняет метрику и строфику финала. Два последние пятистишия М-I, написанные разностопным хореем (4-4-2-2-4) с рифмовкой aaBВa, в М-II заменены шестистишием 4-стопного хореем с рифмовкой aaB'ccB', причем третий и шестой стихи не только получили дактилические окончания (стих 140: М-III-IV; 145: М-V-VII стал гипердактилическим), но благодаря пиррихиям произносятся фактически как двустопный пеон-3, в противовес коротким строчкам финала М-I, лишь одна из которых имела пиррихий. Бодрый и озорной эпилог М-I по форме — нечто среднее между лимериком (та же рифмовка, но без эпифоры в обрамляющих стихах) и считалкой или игровым зачином (с традиционной фольклорной формулой: «Как у нашего двора», призывами к участию и даже указанием на высоту горы, вроде реплик песенки про каравай). Аномальность ситуации: «Всюду лето, / Снегу нету, / А у нас игра в снежки» (141-143: М-I) преподносится радостно, как часто бывает в абсурдистских народных потешках. Эти строфы вписываются в контекст традиционных для детской поэзии, особенно русской, воспеваний зимних игр на открытом воздухе (от «Николашиной похвалы зимним утехам» А. С. Шишкова, первого отечественного хрестоматийного стихотворения для детей [Головин 2017], до классического «Вот моя деревня» И. З. Сурикова). Впрочем, в М-I характерное для таких произведений описание забав заменяется на призыв к непосредственному участию в них. Эта программная для поэта черта отмечается всеми писавшими о нем.

В М-II фольклорный мотив узнаваем, но изменен: «Против нашего двора» (134: М-II). Предлог указывает на противостояние оледеневшего героя сообществу, к которому принадлежат, очевидно, автор и публика, неуместность горки подчеркивается стихом «Вся дорога загорожена» (136: М-II-VII). Правда, следующие строки вносят веселое настроение, но ситуация становится неоднозначной: при всей своей праздничности гора среди лета приносит и неудобства, поэтому не вызывает уже полного одобрения. Важная деталь: под салазками (138: М-II) / полозьями (138: М-III-VII) — клубничное мороженое, употребляемое явно не по назначению. В М-I гора, видимо, из настоящего снега и льда, мороженое осталось внутри толстяка, спровоцировав его наружное оледенение; не случайно упомянута игра в снежки. В М-II волшебная гора уже полностью

состоит из лакомства, и это способно вызвать у читателя не только смех, но и досаду. Ритмико-строфические изменения, несомненно, усилили новый тон этого фрагмента, ослабив проявления восторга и придав темпу плавность, имитирующую скольжение на полозьях. Позднее поэт эту тенденцию то усиливал, заменяя оборот «катит весело» (137: М-II) на «катит в саночках народ» (137: М-III–М-VII), то смягчал, восстановив игровой зачин (134: М-V–VII) и сломал ритм последней строки, разбив ее на несколько стихов включением зазывов мороженщика с отступлениями от правильного хорей (143, 145: М-V–VII). Ироническая автоцитата нейтрализует нравоучительный эффект.

Преобразование эпилога не изменило отношения критики к стихотворению, сохранившему свою сущность. 1 марта 1936 г. в период дискуссии о формализме и натурализме в «Правде» помещена редакционная статья «О художниках-пачкунах», направленная преимущественно против оформления Лебедевым, единомышленником и любимым иллюстратором Маршака, его сборника «Сказки, песни, загадки», вышедшего в Москве в 1935 г., большая часть тиража которого была уничтожена. Рисунки к «Мороженому» всегда справедливо относили к образцам авангардной манеры художника. Не удивительно, что, перепечатывая сказку после разгрома возглавляемого им детского издательства, поэт заказал новые иллюстрации (В. М. Конашевичу, тоже причисленному «Правдой» к «пачкунам») в более традиционном стиле и серьезно переработал текст в соответствии с оформлением. В основном он занялся сокращением, добавив только 3 стиха, и еще один преобразовал. В итоге изменился сюжет и даже лежащий в его основе конфликт: он приобрел прозрачность, но утратил остроту.

В М-I–II действие имело два этапа. На первом толстяк опустошал сундук мороженщика на глазах и под комментарии публики, его действия механически повторялись с возрастанием объема и стоимости порций и последствия их съедания. На втором этапе интрига осложняется, несмотря на лаконизм повествования: толстяк поглощает и весь товар товарищей старичка. Роковые последствия фиксируются уже не публикой, а автором.

В М-III устранены все мороженщики, кроме главного (так же, внося в 1952 г. правку в текст «Мистера Твистера», поэт поступил со швейцарами), роль зрителей заметно уменьшается. Сохраняется только их коллективная реплика, неизменная во всех изданиях (92–96, вариативность строки 94 незначительна). Действие лишилось двучастности, выброшенный фрагмент заменен поэтической

связкой: «А толстяк молчит, не слышит, / Ананасным паром дышит» (124–125: М-III–VII). Сокращение персонажей сделало их расстановку пропорциональной, симметричной и сгладило групповое противостояние («всем миром») странному и потому чуждому, враждебному одиночке, свойственное фольклорным игровым формам. Этому способствовало новое оформление. Лебедев давал социальную характеристику герою, минимальную в тексте. Лишь строки: «И рукою от мороженой / Достает бумажник кожаный» (122–123: М-I–II) — рекомендуют героя как богача, редкого покупателя, чуждого свите уличного торговца, состоящей из босых ребятишек (не исключая беспризорных). Возможно, социальный контраст больше, чем автор, стремилось подчеркнуть частное издательство, чтобы избавиться от упреков в аполитичности. Толстяк в М-I–II напоминал плакатного буржуя, нэпмана: он шарообразен (сродни порциям мороженого), носит золотую цепочку с сердечком и очки (атрибут «спеца» или «бывшего»), а «шляпа на макушке» выглядит как котелок, считавшийся, не без влияния А. А. Блока, символом мировой пошлости, мещанства. К 1940 г. буржуазный элемент растворился в толпе советских граждан. Из нее не выделяется и просто одетый толстяк Конашевича. Сохранилась шляпа — летняя, показатель чудаковатости, добродушия, но в целом ставшая уже вполне приемлемым в те годы головным убором. Из господствующих литературных тенденций: демонизация антигероя или бесконфликтность — Маршак избрал последнюю.

М-III отражает присущие русской поэзии середины XX в. и органичные для самого Маршака стремление к простоте и отход от авангарда к традиционным формам. Сохранив чудесное превращение в финале, писатель количественно уменьшил гиперболу, но придало ли снижение дозы мороженого до одного сундука реалистичность изображаемому? Показательнее стилистическая правка. Вместо причудливого образа, зримо поданного посредством гиперболы и эпитета: «На спине его сугроб, / Побелел блестящий лоб» (126–127: М-I–II) — нейтральное описание: «Голова его седа, / Побелела борода» (М-III–VII; М-III–IV). Изъяты строки, не только смягчающие резкость оценки антигероя, но поэтизирующие, эстетизирующие его облик: «На очках узоры льдистые, / В серебре усы пушистые» (128–129: М-I–II). Правда, завершает картину, как и во всех изданиях, сказочное двустипшие, способное заморозить наивного читателя и эмоционально мотивирующее чудо в эпилоге: «Он стоит и не шевелится, / А кругом шумит метелица...» (132–133: М-I–VII). В М-I–II конец сцены превращения не только лишен

сатирического тона, но созвучен по стилю трагическому финалу поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос»: «Улыбка у горькой вдовицы / Играет на бледных губах, / Пушисты и белы ресницы, / Морозные иглы в бровях. // В сверкающий иней одета, / Стоит, холодеет она...» [Некрасов 1982, 150]. Сокращение и опрощение текста в М-III немного ослабило драматизм ситуации, хотя и не устранило его.

В вариант 1948 г. внесено единственное в творческой истории рассматриваемого текста исправление политического характера. В стране шла борьба с низкопоклонством перед западом, и мороженое утратило непопулярный эпитет «заграничное», комизм которого, впрочем, тогда уже не осознавался читателем. В 1920-е гг. дальняя транспортировка мороженого была невероятна, тем более для частника и из-за границы, даже в условиях нэпа. Все знали, что мороженщики изготавливали товар сами, а упоминание о заграничном его происхождении — лишь рекламное балагурство, развлечение публики. Во второй половине века поставки иностранного продовольствия в холодильных камерах уже не выглядели, с технической точки зрения, неосуществимым абсурдом, и эпитет так и не был восстановлен в поздних вариантах, в отличие от исправленного в том же М-IV диалектизма «морожено», который возвращен в реплику продавца (13: М-V–VII), в финальной же строке книжки использован лишь в М-II.

Казалось бы, своевременно внесенная правка обеспечивала сказке благополучную издательскую судьбу. Сборники поэта выходили ежегодно, а то и чаще, ему позволялось издавать многие сочинения, прежде вызывавшие резкую критику. Однако с 1949 г. по 1957 г. «Мороженое» не перепечатывалось, и из представителей поколения, чье детство приходится на 1950-е гг. и которое выросло, подобно прочим, на творчестве Маршака, это произведение обычно знают лишь те, кому довелось читать его уже детям или внукам. Причины не вполне ясны, но, вероятнее всего, связаны не с идеологическим давлением цензуры, а с авторским разочарованием в каких-то элементах текста, долго не поддававшихся желаемому исправлению. Не случайно в М-V стихотворение сильно переменилось. Хотя изменения, внесенные в М-VI и М-VII, невелики, они показывают, что поэт так и не был удовлетворен правкой, реализовал свой замысел не вполне и продолжал редактирование.

Бросается в глаза новое начало: «Мы живем на даче. / День стоит горячий» (1–2: М-V–VI). Представляется, что, вводя его и расширяя вступление, Маршак больше, чем словоохотливости, подчинился

стремлению сохранить актуальность сказки в новом бытовом контексте. Обычно он безжалостно переделывал или даже переставал печатать произведения, важнейшие реалии в которых устаревали и становились непонятны или малознакомы детям, не могли спровоцировать игру, имитирующую узнаваемые повседневные процессы. Так, именно повсеместное переоборудование пожарных команд в первую очередь побудило поэта в 1952 г. переписать «Пожар», хотя этому содействовали и идеологические факторы.

С 1932 г. в Москве и с 1934 г. в Ленинграде началось фабричное производство мороженого, вскоре достигшее такого масштаба и уровня, что частные мороженщики не могли с нею конкурировать и исчезли даже в отдаленной провинции, где и после прекращения нэпа разносчики еще некоторое время появлялись. Фабричное мороженое было обычно фасованным, продавалось в магазинах или стационарных киосках, уличная торговля им на вес из передвижного сундука стала редкостью в послевоенные годы. Исчезли и вафельки с именами («лепешки» в терминологии Маршака), о которых радостно вспоминали те, чье детство пришлось на 1910–30-е гг. Таким образом, динамический мотив продажи мороженого, воплощенный, по признанию даже недоброжелателей, детально и увлекательно, превратился в историческую экзотику. Поэт не предполагал, что в 1990-х гг. в России на улицах воскреснут мороженщики, формирующие порцию почти тем же способом, какой он описал, а товар их зачастую будет заграничным. Очевидно, автор искал правдоподобную мотивировку для введения передвижного продавца и перенес действие в дачный поселок. Именно тогда стали появляться садоводческие товарищества, где еще не было постоянной торговли, появление же мороженщика с тележкой оказалось бы уместным. Однако в М-VII Маршак отказался от изобретенной им мотивировки, возможно, считая и ее неубедительной.

Другой способ приблизить к юному читателю архаичные реалии — подробная характеристика их устройства. Прежде этого не требовалось: большинство городских детей периодически сопровождали, подобно героям книжки, сундук мороженщика, прекрасно изучили его содержимое, потому им и понятно было знаменитое описание изготовления порции. Новый читатель нуждался в предварительных объяснениях. Автор и сообщает (29–46: М-V–VII) в своей манере, одновременно лирической и комической, как транспортируется мороженое. Процесс подан остраненно, посредством тропов: «Летним утром в сундуке / Едет зимний холод» (29–30: М-V–VII) и с неожиданной точки зрения неодушевленных пред-

метов — банок с мороженым (37–46: М-V). Впрочем, беседа банок (141–146) в: М-VI–VII сокращена.

Поэт пытался модернизировать текст и описанием технической новинки: «А быть может, этот лед / Холодильникам дает / Не природа, а завод, / Не весной, а целый год» (34–37: М-V). Почему в М-VII эти строки исчезли, трудно сказать. Возможно, искусственный лед в тележке мороженщика казался все еще невероятным, или же вступление слишком пространно. Не исключено, что Маршак, подобно многим пожилым людям, относился к экспериментам в пищевой промышленности с недоверием. Ю. К. Олеша в конце жизни тоже сравнивал старинное и фабричное мороженое не в пользу последнего: «Только что ел пломбир, замороженный, как это теперь делается, сжатым воздухом. Этот способ присоединяет к мороженому прямо-таки вонь. То мороженое, которое мы ели в детстве, было вкусней. Как ухитрялся обыкновенный мороженщик, вкатывавший во двор свою зеленую тележку, — „чудесного холода полный сундук“, как назвал ее Осип Мандельштам, — продавать сразу сортов шесть? Он зачерпывал мороженое из костяной трубы ложкой — зачерпывал так умело, что на ложке оказывалось не больше лепестка. Он стряхивал лепесток в вафельную формочку — один, другой, третий. Как лепестки, эти маленькие порции и не приставали друг к другу, так что и в самом деле несколько мгновений перед нами была роза... Потом он закрывал формочку другим кружком вафли, парным к тому, который лежал на дне формочки, и подавал. И тогда оно въезжало в рот, это розовое колесо!» [Олеша 2015, 373–374].

В центральной части сказки, обновляя реалии, Маршак отредактировал указания на стоимость мороженого. Она, действительно, за тридцать лет заметно изменилась вместе с денежной системой, и была хорошо известна даже ребенку. Ради бытового правдоподобия, нарушения которого дети редко прощают писателям, в М-V исчез вышедший из употребления четвертак, а копейки превратились в рубли. Однако едва поэт осуществил правку, реформа 1 января 1961 г. приравняла прежний рубль к 10 копейкам, и цены из М-I вновь оказались актуальнее, но в М-VII писатель так и не вернулся в том, что касается денег, к первоначальному тексту, цены остались дореформенными. Трудно сказать, успел ли Маршак, часто болевший и умерший в 1964 г., еще раз внести правку или не собирался этого делать. Возможно, поэт, давно устранившийся от хозяйственных забот, уже не всегда поспевал следить за переменами с былой оперативностью. После того, как толстяк заказал мороженого на пять рублей, «Десять порций съел он ра-

зом» (62: М-V), но для такого объема угощения в конце 1950-х гг. заплаченной суммы недостаточно. Не исключено, что кто-то указал на это несоответствие, и строка была исправлена (возможно, для благозвучия): «Съел мороженое разом» (62: М-VI–VII). Между тем, после реформы на пять рублей можно было купить гораздо больше десяти порций, ведь стоимость порции мороженого начиналась от семи копеек.

За десятилетия, прошедшие с момента выхода сказки в свет, принципиально изменилось и бытовое отношение к главной ее теме. До середины 1930-х гг. четко различали мороженое домашнего изготовления (в том числе и подаваемое в заведениях общественного питания с хорошей репутацией) и покупное. Первое считалось роскошью, доступной лишь людям состоятельным, да и то, как правило, по праздникам. Второе мог себе позволить широкий круг городского населения, но это считалось небезопасным удовольствием. «Я бы, — рассуждал Олеша об обеих разновидностях, — и теперь узнал того мороженщика в синей рубахе, который кричал, запрокидывая голову так, что видно было, как горло идет у него кольцами. Тогда только входило в моду мороженое в вафлях. Нормально же отпускалось оно в стеклянных синих граненых рюмках, и давалась костяная ложечка... И запрещено было детям есть это мороженое, потому что изготавливали его из молока, в котором купались больные. Таков был слух. О, этот слух, тиранивший наше детство! И бывало знаменитое, великое мороженое... То мороженое, которое подавалось к столу где-то на даче, где-то на именинах, раз в году, под летящими облаками, под раскачивающимися ветвями, когда свистели поезда, когда кто-то всходил на террасу с букетом в руке, какой-то господин с букетом роз в папиросной бумаге. Вот о чем вспоминаю я на тринадцатом году революции, о мороженом, которым угощали буржуазных детей» [Олеша 2015, 102]. «Тиранивший детство слух» В. П. Катаев привел как комический пример очевидного факта в романе «Белеет парус одинокий»: «Это было так же общеизвестно, как то, что конфетами фабрики „Бр. Крахмальниковы“ можно отравиться или — что мороженщики делают мороженое из молока, в котором купали больных» [Катаев 1984, 132]. Были и более прозаические объяснения недоброкачества мороженого: его слишком часто производили, хранили, транспортировали и продавали в совершенно антисанитарных условиях, посуда оказывалась плохо луженой и грязной, продавец неопрятным, при отсутствии холодильников в жаркое время товар портился, а его состав пробуждал обоснован-

ные подозрения, даже когда не было дурного умысла и мошенничества [Богданов, 2007, 81–83, 88–89]. Впечатляющие последствия зафиксированы в газетной хронике: мороженым отравились то около 180 человек на московских бегах [Вести дня 1908, 3], то 18 сестер милосердия, 2 доктора и 3 служителя больницы в Данциге (Раннее утро. 1913. 17 июля). В 1926 г. (через год после выхода сказки Маршака) ленинградские фельетонисты предлагали мороженое в качестве прекрасного средства для травли грызунов [Богданов 2007, 89]. Иногда контроль над торговлей мороженым брали на себя власти. Так, по сообщению «Петербургского листка» (1914. 26 марта), накануне столичный градоначальник пресек ее до особых распоряжений за вред здоровью, особенно детскому, в холодную погоду. Публиковали правила, которым строго должны были следовать уличные разносчики: герой Маршака, очевидно, подлежал ленинградскому циркуляру 1924 г. Чаше меры безопасности принимали сами покупатели, иногда доходя до абсурда. Подобный случай встречаем в автобиографическом романе А. Я. Бруштейн «Дорога уходит в даль», действие которого происходит в начале XX в. Девочка спрашивает сверстницу: «А какое мороженое ты ешь? Холодное? / — Обыкновенное... — недоумеваю я. / — А для меня, — Любочка чуть не плачет, — блюдце с мороженым ставят на край плиты.. Когда оно растает, я пью тепленькую жижицу...» [Бруштейн 2018, 65]. Так богатые и мнительные родители пытаются уберечь изнеженное дитя от простуды. Собеседница Любочки, дочь небогатого и демократически настроенного врача, вместе с отцом ест мороженое в городском сквере, они даже угощают бубликами продавца, усадив рядом с собой. Правда, мороженщик Андрей, в противоположность другим, известен всему городу честностью и в течение многих лет зарекомендовал себя как надежный поставщик [Там же, 51–54]. В семьях, где заботились о здоровье детей, мороженое если и не вовсе запрещалось, то удовольствие это строго ограничивалось и контролировалось, так что оно нередко становилось почти недозволенным и оттого особенно желанным. Е. Л. Шварц вспоминал, как в детстве «с гривенником и чайным стаканом в руках ждал мороженщика. Крики: „Са-а-харно морожено!“ — раздавались в это время дня довольно часто. Трудность была в том, что мама доверяла только одному мороженщику — рыжему, и только у него разрешалось брать мороженое. Зато я испытывал настоящее счастье, услышав его знакомый тенор. И вот он честно накладывал полный стакан, уминая его ложкой. Весь стакан — сливочным,

а самый верх — фруктовым» [Шварц 1999, 157]. Вспомним и известный рассказ М. М Зощенко «Галоши и мороженое».

Первые читатели, как и персонажи стихотворения, владели описанным выше набором пугающе-влекущих ассоциаций. Толстяк в контексте быта эпохи нэпа — не просто обжора, которому грозит обморожение от неумеренности, это герой, посягнувший в неограниченной степени на сладостное, запретное и губительное, описанный со смесью иронии и восхищенного изумления: «Удивляется народ: / Как его не разорвет?» (78–79: М-I-II). Это подвижник-шут, дерзнувший на нелепый, соблазнительный и непосильный подвиг: «А толстяк не унимается, / *За работу принимается* (курсив здесь и далее мой — Н. Г.) / Форму целую берет, / Опрокидывает в рот» (118–121: М-I-II).

Советский ребенок послевоенных лет, знал, что от обжорства болит живот, а от холода — простужаются, иных опасностей от мороженого ни он, ни окружающие взрослые уже не ждали. В разумных пределах оно было доступнее многих удовольствий и большинству здоровых детей разрешено. Во многих городских семьях охотно выдавали на это лакомство небольшие суммы. Оно было дешево и казалось безвредным по составу и качеству, ведь при производстве, фасовке и продаже соблюдались санитарные нормы. Домашние мороженицы, вращаемые вручную, превращались в предмет старины.

Теперь, в понимании публики, толстяк нарушал лишь количественную норму, а конфликт, не имея уже социальной природы, утратив авантюрные черты (посягательство на запретное), сохранил исключительно нравственный характер. Даже при обновлении реалий содержание оказывалось недостаточным, чтобы проблема живо захватила читателей, а поучительный элемент при этом усваивался в увлекательной игровой форме. Бесконфликтная литература, к которой дети чаще равнодушны, в годы оттепели осуждалась официальной критикой. Чтобы реанимировать коллизию, автором был изменен субъект повествования, а значит и точка зрения на изображаемое: рассказ ведется от первого лица множественного числа. Балаганное действие у тележки мороженщика дано глазами наивных и неравнодушных очевидцев: «Мы, ребята, босиком / Ходим вслед за сундуком» (14–15: М-V-VII). Правда, в строке 17: М-VI-VII восстановлено универсальное «все», как в М-I-IV, взамен «мы» (М-V). В результате, вопреки утверждению Гаспарова, именно в М-V и М-VII архетипические модели, лежащие в основе сказки, наиболее актуализированы, поскольку игровое, даже карнавальное, начало

здесь особенно ощущается, и это, как в фольклоре и старинной литературе, не противоречит, но отчасти благоприятствует дидактическому элементу. Зрители-повествователи обретают функцию хора, комментирующего трагифарсовый поединок человека с естественной мерой вещей.

Замена рассказчика влечет за собою смещение оценок: идеализацию мороженщика и демонизацию толстяка. С точки зрения наивных повествователей, первый — почти волшебник, появления которого ждут, перед действиями — благоговеют, речью — наслаждаются как музыкой. Может быть, применение к нему глагола «поет» (6: М-V-VII) вместо «орет», — пуристическое устранение вульгаризма, оно, однако, гармонирует с тем отношением детей к мороженщику, примеры которому уже приводились в этой статье и не продолжены из-за ограниченности ее объема. Старичок, дарящий чудо, неизбежно авторитетен, выступает распорядителем и блюстителем естественной нормы. Единичность (отсутствие товарищей-конкурентов) придает весомости этому балагур-резонеру.

Пропорционально растет карикатурность покупателя: гиперболизируется единственная его черта, заслуживающая возмездия — неумеренность; нагнетаются отрицательные коннотации. Его прежде пренебрежительно-фамильярная, но добродушная манера обращения: «Эй, — кричит он, — старичок, / Положи на пятак!» (51–52: М-I-IV) сменяется нетерпеливой грубостью: «Эй, — кричит он, — поскорей / Положи на пять рублей!» (51–52: М-V-VII). Далее раздражительность и алчность пугающе нарастают. В М-I-II продавец явно заинтересован в реализации товара и дает заработать приятелям, не возражает против appetitов покупателя и в М-III-IV. Теперь же толстяк преследует мороженщика: «Едет медленно сундук, / Тарахтит, почти пустой, / А толстяк хрипит: — Постой!» (77–79: М-V-VII). Персонаж утратил простодушие, осознает если не маниакальность, то неестественность своего поведения, подыскивает оправдания. Упоминание именин в М- I-IV воспринималось как вероятный факт или указание на веселое, разгульное настроение покупателя-гедониста, своего рода именины сердца: «Дай, — кричит, — на четвертак / Или сразу на полтинник — / Я сегодня именинник!» (64–65: М-I-IV; 66: М-I-VII). Ответ старичка-балагура гармонирует с тоном заказа: «Ради ваших именин / Получайте, гражданин» (67–68: М-I-VII). В М-I-II реплика этим исчерпывалась, затем добавилось перечисление всего ассортимента мороженого (69–75: М-III-IV). В М-V ссылка на именины — повод

не увеличить уже заказанную, а получить дополнительную порцию: «Дай еще на двадцать пять / Да в придачу на полтинник — / Я сегодня именинник!» (64–65: М-V–VII; 66: М-I–VII). Новая интерпретация реплик складывается главным образом за счет последующих упоминаний об угощении «на дорожку» и о дне рождения: толстяк осознает, что употребление лакомств, да еще в больших количествах, приемлемо только по уважительному поводу, и подыскивает все новые извинения своей неумеренности: «Дай мороженого ложку, (в М-VI: „Зачерпни еще хоть ложку“ — Н. Г.) / Только ложку на дорожку / Ради праздничного дня: / День рожденья у меня!» (80–83: М-V–VII). В таком контексте ответы продавца звучат не столько задорно, сколько снисходительно, почти сурово, хотя буффонада об именинах осталась без изменений, и второй отклик аналогичен: «Ради вашего рожденья / Получайте угощенье» (84–85: М-V–VII), но каждый раз выдается уже по одному лишь сорту лакомства соответственно случаю: сначала именинное апельсинное, потом прекрасное ананасное (73–75, 86–88: М-V–VII).

Поэт отказался от нейтрального описания внешности толстяка в М-III, но сохранил его натуралистичность и вернулся к гротеску М-I, только лоб утратил эпитет «блестящий» (от испарины, ведь герой размяк от жары) и не побелел, а «синим льдом покрылся» (127: М-V; М-VII). Образ стал карикатурно комичным: «Легкий снег белее пуха. / Разукусил оба уха. / На затылке — снежный ком. / Снег на шляпе колпаком» (128–131: М-V). Если в М-I–II картина оледенения почти достигала высокого пафоса, с которым рисовал замерзающую Дарью Некрасов, то персонаж М-V–VII больше похож на нелепого снеговика. В М-VI портрет стал особенно оттапливающим: лоб вновь получил эпитет «багровый»; «Посинели оба уха. / Борода белее пуха» (127–129: М-VI). В М-VII восстановлена версия стихов 126–127 М-III, а в строке 129 во избежание повтора белее пуха стали усы. Автор никак не мог найти гармонического соотношения разных эмоциональных оттенков этого фрагмента: яркой чувственности образов и простоты, насмешки, порицания и лиризма, — поэтому продолжал правку. Стремление поэта к синтетическому, неоднозначному описанию порицаемого персонажа подтверждается тем, что нагнетание вокруг него отрицательных коннотаций по-прежнему завершалось стихами 132–133, примиряющими противоположные тенденции.

Замена рассказчика и обострение конфликта привели к перестройке композиции. В М-III действие сказки было единым, в М-V, как и в М-I–II, его этапы маркированы повторами и параллелиз-

мами, которые теперь вводятся трижды, согласно традиции. Они же регулируют темп повествования. Наименее значимы реплики покупателя, скрепленные повторами, но сильно варьирующиеся и расположенные по нарастанию (51–52, 64–66: М-I-VII, 80–83: М-V-VII). Важнее сообщения о появлении и передвижения мороженщика: «По дороге — стук да стук — / Едет крашеный (либо: прочь пустой; медленно — *Н. Г.*) сундук» (3–4, 99–100: М-I- II и 3–4, 27–28, 76–77: М-V-VII), его почти неизменные ответы (67–68: М-I-II, 67–75: М-III-IV, 60, 67–68, 73–75, 84–88: М-V-VII). Рассуждения М. С. Петровского о том, что книги Маршака построены на выкриках торговцев (7–10, 13, 111–116: М-I- II; 7–13, 69–75: М-III-IV и 7–8, 13, 73–75, 86–88: М-V-VII), фольклоре предместий, балаганных спектаклях в детском восприятии (Петровский, 1965), особенно убедительны для М-V, где эти зазывы цитируются также в речи банок и в эпилоге (44–46, 139–145).

Внимание наивных повествователей сосредоточено на мороженщике. В ключевых фразах стихотворения сливаются голоса старичка и толпы. Их общая несобственно-прямая речь разделяла два этапа действия: «Все морожено / Уничтожено» (97–98: М-I-II) и завершала пролог: «Сахарно морожено / На блюдечки положено, / Густо и сладко, / Ешь без остатка» (18–21: М-I-VII, в М-III-VII полустишия строк 18–19 даны в столбик). Расширяя пролог, поэт к сохраненному во всех вариантах призыву добавил уточнение, вызвавшее критику М. Л. Гаспарова за дидактизм: «Дали каждому из нас / Узенькую ложечку, / И едим мы целый час, / Набирая всякий раз / С краю понемножечку» (72–76: М-V-VII). Ученый усмотрел здесь только назидание для профилактики простуды от лица нереально благонравных детей. Между тем смысл стихов сложнее. Маршак знал, что желание растянуть блаженство детям вовсе не чуждо. Ср. воспоминание о восторге, испытанном девочкой во время пения подруги: «Позови меня кто в это время хотя бы на самое заманчивое дело — ну, скажем, в кондитерскую есть мороженое, что ли, — нет, от мороженого я, конечно, не откажусь, но я не сразу оторвусь от музыки, я, вероятно, буду есть мороженое рассеянно, невнимательно, без обычного всепоглощающего чувства удовольствия» [Бруштейн 2018, 480]. Главное же, здесь актуализируется классический топос «довольства малым», одна из важнейших идей горацианской традиции, с которой прочно связано творчество Маршака (странно, что специалист по античной литературе игнорировал этот подтекст). Поэт часто именно юное сознание наделял романтической иронией, направленной на бес-

предельную жажду, которую ни физически, ни духовно утолить нельзя, как бы естественно и страстно ни было это устремление: «Из серебряного крана / С шумом / Брызнуло ситро. / Мне досталось / Полстакана, / А хотелось бы — ведро» [Маршак 1968, 131]. Тем же сочувственно-грустным юмором, звучащим, например, в цикле «Детки в клетке», проникнута и сентенция из «Мороженого».

Горацианский пафос наслаждения тем, что дано, приятия непреложных законов жизни как высшей гармонии для Маршака — способ преодолеть романтическую тоску по неосуществимому. Идея разумности мироустройства и пагубности нарушения законов естества проходит через все творчество писателя. Показательна пьеса «Двенадцать месяцев», которую, как и драматургию в целом, Гаспаров не учитывал, анализируя наследие Маршака. Те, кто содействует жизненной гармонии, прославляются поэтом, те же, кто нарушает мировой баланс, категорически осуждаются. Именно эта проблема лежит в основе всех вариантов рассматриваемого текста. Мороженое в летний зной — благо и чудо; дарующий его — благодетель и чудотворец, но злоупотребление даже таким приятным и полезным средством утоления жажды влечет возмездие. Понятно, что по своим внутренним установкам «Мороженое» было для поэта очень важным произведением, и, хотя его, казалось бы, обесценивало изменение реалий, нравов, вкусов, Маршак старался сохранить его текст актуальным для публики, пусть в радикальной переработке.

Почти все критики (не исключая и Гаспарова, ценившего философскую проблематику стихов Маршака) неоправданно ограничились внешним уровнем восприятия текстов писателя, которые по меньшей мере двухплановы. Внешний уровень, доступный детям непосредственно, — игровой и воспитательный (ненавязчивое формирование картины мира, ориентировка читателя в реальности). На этом уровне возможны эксперименты с традиционными элементами, отсылающими к более глубокому, скрытому плану. Этот обширный подтекст (философский, литературный, общественный и т. п.), более интересен взрослым, но бессознательно впитывается детьми. Он формирует у них базу общих мест культуры, позволяющую свободно воспринимать впоследствии любой материал, основанный на этой топике, и овладевать традиционной системой духовных ценностей.

Сопоставление изданий «Мороженого» показывает, что Маршак менял, сокращал или добавлял нечто на внешнем уровне текста, но не только сохранял, но и усиливал другими приемами

подтекст так, чтобы исходный авторский замысел, облеченный в игровую форму, существенно не пострадал при правке, а оставался бы определяющим в любом изводе. Такой метод можно назвать компенсаторным. Конечно, каждый из вариантов имел свои достоинства, эффектные фрагменты, утрата которых порой огорчала читателей, поэтому не только при научной, но иногда и при критической публикации «Мороженого» уместно поместить две или три редакции (как это делают, например, с «Портретом» Н. В. Гоголя). Вместе с тем редактирование этой книги следует признать органичным поиском наилучшего воплощения важной для автора проблематики с переносом акцентов в зависимости от внешних обстоятельств и от внутренних факторов творческого процесса. Внушать свои идеи Маршак стремился не рационально, логически, а эмпирически, посредством игрового сопереживания читателей, поэтому был вынужден учитывать конкретные представления и злободневные настроения публики, именно через эти изменчивые фильтры проникают в сознание каждого нового поколения вечные истины.

Литература

Источники

- Бруштейн 2020* — Бруштейн А. Я. Дорога уходит в даль. М.: АСТ, 2018.
- Вести дня 1908* — Вести дня // Голос Москвы: [беспартийная прогрессивная газета]. 1908. № 133, 10 июня. С. 3.
- Катаев 1984* — Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 4.
- Маршак 1925* — Маршак С. Я. Мороженое. Л.: Радуга, 1925.
- Маршак 1929* — Маршак С. Я. Мороженое. Л.: Радуга, 1929.
- Маршак 1941* — Маршак С. Я. Мороженое. М.: Изд-во дет. лит., 1941.
- Маршак 1948* — Маршак С. Я. Сказки, песни, загадки. М.: Гос. изд-во дет. лит., 1948.
- Маршак 1957* — Маршак С. Я. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1957. Т. 1.
- Маршак 1960* — Маршак С. Я. Сказки, песни, загадки. М.: Гос. изд-во дет. лит., 1960.
- Маршак 1962* — Маршак С. Я. Сказки, песни, загадки. М.: Гос. изд-во дет. лит., 1962.
- Маршак 1968* — Маршак С. Я. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1968. Т. 1.

Некрасов 1982 — Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 4.

Олеша 2015 — Олеша Ю. К. Книга прощания. М.: ПРОЗАиК, 2015.

Шварц 1999 — Шварц Е. Л. ...я буду писателем: Дневники и письма. М.: Корона-принт, 1999.

Исследования

Богданов 2007 — Богданов И. Лекарство от скуки, или История мороженого. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Гаспаров 2001 — Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб.: Азбука, 2001.

Головин, Николаев 2017 — Головин В. В., Николаев О. Р. И. Г. Кампе «Wienterlied» — А. С. Шишков «Николашина похвала зимним утехам»: первый детский хрестоматийный текст в русской поэзии // Детские чтения. 2017. № 2 (12). С. 346–381. URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/290/269>.

Гринберг 1925 — Гринберг А. Книги бывшие и книги будущие (для маленьких детей) // Печать и революция. 1925. № 5. С. 243–254.

Петровский 1965 — Петровский М. С. Вначале было слово народное (О фольклорных истоках творчества С. Я. Маршака) // Дошкольное воспитание. 1965. № 1. С. 108–114.

References

Bogdanov 2007 — Bogdanov, I. (2007). Lekarstvo ot skuki, ili Istorija morozhenogo. [A cure for boredom, or the history of ice cream]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Gasparov 2001 — Gasparov, M. L. (2001). O russkoj poezii. [About Russian poetry]. Saint-Petersburg: Azbuka.

Golovin, Nikolaev 2017 — Golovin, V. V., Nikolaev O. R. (2017). I. G. Campe “Wienterlied” — A. S. Shishkov “Nikolashina pohvala zimnim uteham”: pervyj detskij hrestomatijnyj tekst v russkoj poezii. [I. G. Campe’s “Winterlead” — A. S. Shishkov’s “Nikolashin’s praise for earthly pleasures”: the first children’s textbook text in Russian poetry]. Detskie chtenija, 2 (12), 346–381. Retrieved from <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/290/269>.

Grinberg 1925 — Grinberg, A. (1925). Knigi byvshie i knigi budushhie (dlja malen’kih detej). [Former books and future books (for small children)]. Pechat’ i revoljucija, 5, 243–254.

Petrovskij 1965 — Petrovskij, M. S. (1965). Vnachale bylo slovo narodnoe (O fol'klornyh istokah tvorchestva S. Ja. Marshaka) [In the beginning there was a folk word (On the folklore origins of S. Ya. Marshak's work)]. Doshkol'noe vospitanie, 1, 108–114.

Nikolai Guskov

Saint Petersburg State University

THE CREATION OF S. MARSHAK'S POEM "ICE-CREAM"

The article compares seven versions of S. Marshak's poem for children "Ice Cream". Three of them (of the 1925, 1940 and 1957) are recognized as the main editions, and others (of the 1929, 1949, 1960, 1962) as their variants. The final text for posthumous publications is unreasonably given to the 1960 version with deviations taken from different publications of this text. The article analyzes the reasons underlining such transformation of the text that include changes in realities, social tastes and mores, stylistic and ideological tendencies of the 20th century, and the poet's desire to harmonize his creative attitudes with external factors. The analysis demonstrates that although the editing process of the text was organic, the difference between editions is so great (through all editions only 30 verses remain common) that the reproduction of all versions is needed for scholarly and the critical editions of Marshak's poetry. His editing method is compensatory: the plot and style varied, but the philosophical and ethical subtext important for Marshak as a creative individual remained the same. These are archetypal ideas of joyful acceptance of the objective laws of nature, the glorification of those who support world harmony, and the condemnation of those who violate it. The appendix contains a comparative table showing the history of Marshak's text.

Keywords: S. Marshak, literature for children, history of creation, soviet literature, Russian literature of 20th century

Таблица 1. Варианты текста стихотворения С. Я. Маршака «Мороженое»

№	I (1925)	II (1929)	III (1940)	IV (1948)	V (1958)	VI (1960)	VII (1962)
1							
2						Мы живем на даче. День стоит горячий.	
3							
4							
5							
6							
7							
8							
9							
10							
11							
12							
13							
14							
15							
16							
17							
18							
19							
20							
21							
22							
23							
24							
25							
26							

№	I (1925)	II (1929)	III (1940)	IV (1948)	V (1958)	VI (1960)	VII (1962)
27							
28							
29							
30							
31							
32							
33							
34							
35							
36							
37							
38							
39							
40							
41							
42							
43							
44							
45							
46							
47							
48							
49							
50							
51							
52							

По дороге стук да стук —
Едет крашенный сундук.
Летним утром в сундуке
Едет зимний холод —
Синий лед, что на реке
Был весной расколот.

(А быть может, этот лед
Холодильникам дает
Не природа, а завод,
Не весной, а целый год.)

Банки круглые во льду
Тараторят на ходу.
От стоянки до стоянки
Разговаривают банки:

«Будет пир
На весь мир.
Мы везем для вас плом-
бир
И клубничное,
Земляничное
Морожено!»

К сундуку бежит толстяк,
От жары он весь размяк,
Щеки, как подушки,
Шляпа на макушке.

«Эй, — кричит он. — / Поскорей
Положи на пять рублей!

«Эй, — кричит он. — старичок!
Положи на пятачок!

№	I (1925)	II (1929)	III (1940)	IV (1948)	V (1958)	VI (1960)	VII (1962)
53							
54							
55							
56							
57							
58							
59							
60							
61							
62							
63							
64							
65							
66							
67							
68							
69							
70							
71							
72							
73							
74							
75							
76							
77							
78							
79							

№	I (1925)	II (1929)	III (1940)	IV (1948)	V (1958)	VI (1960)	VII (1962)
80					Дай мороженого ложку,	Зачерпни еще хоть ложку,	
81					Только ложку на дорожку		
82					Ради праздничного дня:		
83					День рожденья у меня!		
84					— Ради вашего рожденья		
85					Получайте угощенье —		
86					Прекрасное		
87					Ананасное		
88					Мороженое!		
89	А толстяк подходит снова.			А потом подходит снова.		Не сказал толстяк ни слова,	
90					Покупает на целковый,		
91					А потом на целых три.		
92					Все кричат ему: — Смотри,		
93					У тебя загылок синий,		
94		На усах белеет иней,				На бровях белеет иней,	
95					Как на дереве в лесу,		
96					И сосулька на носу!		
97		Все морожено					
98		Уничтожено!					
99		По дороге — стук да стук!					
100		Едет прочь пустой сундук.					
101		Старичок его везет					
102		И приятелей зовет:					
103		«Эй, друзья, мой, приятели!					
104		Что у вас за покупатели!					
105		Мой толстяк в один присест					
106		Все мороженое съест!».					
107		Вот приятели веселые					

№	I (1925)	II (1929)	III (1940)	IV (1948)	V (1958)	VI (1960)	VII (1962)
108		Сундуки везут тяжелые, Собираются толпой И кричат наперебой: «Отличное Земляничное, Прекрасное Ананасное, Именинное Апельсинное Мороженое!					
109		А толстяк не унимается, За работу принимается. Форму целую берет, Опрокидывает в рот И рукою от мороженой Достает бумажник кожаный.					
110							
111							
112							
113							
114							
115							
116							
117							
118							
119							
120							
121							
122							
123							
124							
125							
126		На спине его сугроб.	Голова его седа,		На спине его сугроб.		Голова его седа, да,
127		Побелел блестящий лоб.	Побелела борода.		Синим льдом покрылся лоб.	Побелел багровый лоб	Побелела борода.
128		На очках узоры льдистые,			Легкий снег белее пуха	Посинели оба уха.	
129		В серебре усы пушистые.			Разукрасил оба уха.	Борода белее пуха.	А усы белее пуха.
130							На затылке — снежный ком.
131							Снег на шляпе коллаком.

№	I (1925)	II (1929)	III (1940)	IV (1948)	V (1958)	VI (1960)	VII (1962)
132							
133				Он стоит и не шевелится, А кругом шумит метелица.			
134	Как у нашего двора	Против нашего двора			Как у нашего двора		
135	За ночь выросла гора.				Нынче выросла гора.		
136	В два аршина				Вся дорога загорожена.		
137	С половиной.	Катит весело народ.			Катит в саночках народ.		
138	Полобуйся, детвора!	Под салазками не лед,	Под полозьями не лед,				
139	Полобуйся, детвора!	А клубничное морожено!	А клубничное морожено!			А клубничное, Земляничное, Именинное Апельсинное,	
140	Да салазки во-локи!						
141	Всюду лето,						
142	Снегу нету.						
143	А у нас игра в снежки!				Прекрасное Ананасное Мороженое!		
144							
145					110	98	96
Число строк	90	86	64	66			